

ФРЭНСИС
ХАРДИНГ

КОРОЛЕВСТВО
*запретных
книг*

*Посвящается моему отцу, который вдохновлял меня
и поддерживал, писателю Г. Миллзу Уэсту
и Рианнон, крестной Мошки*

РАСКОЛОТОЕ КОРОЛЕВСТВО

ПАРЛАМЕНТ

Формирует Комитет влиятельных особ, которые решают, кто достоин носить корону. Но за десятилетия так и не смог избрать короля, и в государстве начался раскол. Столица, как и прежде, подчиняется указам Парламента, но другие области все чаще передают власть местным правителям.

ГИЛЬДИИ

Когда королевство пошатнулось без сильной королевской руки, ремесленные гильдии взяли большую власть. Отношения друг с другом у них непростые, но ревностно оберегаемый союз стал залогом относительного порядка в королевстве.

КЛЮЧНИКИ — гильдия изготовителей ключей и замков, располагается в Манделионе, старший мастер Арамай Тетеревятник. Нет замка, который не смог бы открыть умелый Ключник. Очень влиятельная гильдия.

КНИЖНИКИ — гильдия печатников и переплетчиков, располагается в Манделионе, старший мастер Мэбвик Ток. Мастера печатного слова и владельцы всех печатных станков. Если на книге нет печати Книжников, она объявляется ересью и подлежит сожжению.

РЕЧНИКИ — гильдия лодочников, патрулирует реки и досматривает водный транспорт.

ГЕРЦОГ МАНДЕЛИОНА, ВОКАДО АВУРЛЕЙС — номинальный правитель Манделиона, сторонник возвращения на трон королев-близняшек. Леди Тамаринд — его сестра.

ПТИЦЕЛОВЫ

Некогда они были хранителями всех священных текстов, пока не обнаружили Белое сердце Явления... После этого наступили Трудные времена. Теперь же все Птицеловы истреблены, а их книги сожжены Книжниками.

ПОЧТЕННЫЕ ПОКРОВИТЕЛИ

От Господина Мухобойщика, что отгоняет мух от варенья и масла, до Госпожи Гранулы, охранительницы домашнего скота, — не счесть малых богов, которым жители королевства приносят дань ягодами и хлебом. Каждому Почтенному посвящены свои дни и часы. Младенцы получают имена в честь покровителя, в час

которого родились, а поклоняются люди тому Господину или Госпоже, кто больше всех нравится.

Примечание автора

Это не исторический роман. Это художественный вымысел, хотя в основе и лежат некоторые события и идеи английской эпохи Реформации начала XVIII века. Однако с историческими фактами, а иногда и с законами физики я обращалась очень вольно.

ВСТУПЛЕНИЕ

ИСТОРИЯ ДОМОВОЙ МУХИ

— Но имя — это важно! — воскликнула горничная.
— Конечно, — сказал Квиллам Май. — Но
точность важнее.

— Жалкие полчаса! Никто не узнает, что она родилась после заката. Только представьте, родиться в день почтенного Бонифация. Дитя Солнца! Назвали бы ее Авророй, Солиной или, скажем, Лучильдой. Сколько прекрасных имен подходит дочери Солнца!

— Ваша правда, но нельзя. После заката день переходит к господину Мухобойщику, что отводит мух от варенья и масла. — Квиллам Май поднял голову, встретился взглядом с горничной и добавил спокойно: — Мое дитя — ночная мушка.

Горничную звали Сельдерина Завирушка. Она родилась в день госпожи Хрустихи, что бережет свежие овощи. Сельдерина имела все основания относиться к именам серьезно. Ее влажные и блеклые глаза

напоминали виноградины, с которых сняли кожицу. В данный момент — упрямые, решительные виноградины.

Квиллам Май отличался весьма щепетильным умом. Мысли его всегда лежали ровно, как перышки в птичьем крыле, и если случайная веточка нарушала их стройный ряд, ему становилось не по себе. Глаза у Квиллама были темные и мутные, словно дымчатое стекло.

Виноградины взглянули в дымчатое стекло и увидели там нечто недоступное их пониманию.

— Назову Мошкой, и точка, — сказал Май.

Мошка — простенькое, чуть старомодное имя для рожденных в мушиный день, но всяко лучше, чем Жу-желица или Веснянка. Выбрав дочери имя, Май вернулся к монографии. Он писал историю тех времен, когда довелось жить ему самому, а теперь и его дочери. На обложке красовалось название «Расколотое королевство: полный и ясный отчет о нашей лоскутной стране».

Едва за Сельдериной закрылась дверь, атмосфера в комнате стала спокойнее. Май снова остался один. Впрочем, не совсем.

Со стены за ним наблюдали глаза. Пока синие, но в одном уже мелькают темные крапинки, намекающие, что со временем их цвет станет черным, как у Мая.

Горничная запеленала младенца так туго, что тот превратился в эдакий желудь в скорлупке. Как известно, пеленание — лучшее средство от вертлявости. Неподвижный кокон с любопытной головкой горничная

привязала к дощечке, чтобы выработать у малышки хорошую осанку. Дощечку подвесила на крюк в стене, для удобства.

Порой, входя в комнату, Май, при всей своей наблюдательности, принимал младенца за барельеф. Только этот барельеф пристально следил за каждым его движением. Теперь по крайней мере у него было имя, а имя — вещь важная.

Вернее, у *нее* было имя.

Внезапно Май пожалел, что глаза у дочери не будут зелеными, как у покойной матери. Но эту мысль он пресек в зародыше, а то начнется самобичевание, что он все время изучал по книгам судьбы мира, когда надо было чаще смотреть в зеленые глаза жены.

Но что его ждет теперь, когда зрение слабеет с каждым годом? Раньше Май был уверен, что в старости помогать ему с бумагами будет милая Жасмин.

Ох уж эти распахнутые глаза с черными крапинками, наблюдающие за ним со стены! Как жаль, что это девочка, Май так хотел сына, чтобы передать ему знания.

— Что ж, буду учить тебя. А умри ты вместе с матерью, пришлось бы научить читать кошку.

Мая беспокоила мысль, что дочь, научись она читать, обречена быть изгоем, но выхода он не видел.

Девочка следила, как он склонился над рукописью и взял перо. Его работа проходила в абсолютном уединении и тишине, словно в задраенной каюте корабля,

идущего через бурное море. Еще в те годы, когда Май жил в Манделионе, он мечтал о такой тишине, без уличного шума, непрерывного стука копыт, воплей коробейников. Теперь отшельничество в глухой провинции Чог угнетало его нерушимым покоем и бесконечной капелью за окном.

Май снова отложил перо. Он совершенно не представлял, как разговаривать с младенцем, да и не знал ни одной детской сказки. Однако иной раз душа просила и даже требовала с кем-нибудь поговорить.

— Ну ладно, чтобы из тебя вышел толк, надо заняться твоим образованием, пока праздность не пустила корни в юной душе.

Май затянулся трубкой, пробуя найти вдохновение, и с глубокомысленным видом положил ладонь на рукопись. В своей монографии он переосмысливал события в королевстве за последние тридцать лет. Не лучшая сказка на ночь.

Но если подобрать удачную манеру...

— Начнем-ка мы, пожалуй, с истории. Во времена, о которых помнят разве что глубокие старики, жил-был один король. Занимался он тем, что разбивал прекрасные сады и размышлял о небесных светилах. Был он слишком благодушным и неумелым правителем, так что в конце концов ему отрубили голову, а корону переплавили на монеты. Управлять страной стал Парламент. Кто верил, что на троне должен сидеть король, те отправились в изгнание, ушли за холмы, иные даже

подались за границу. Председатель Парламента оказался не сильно лучше короля. Только королем его не называли, ведь имя — это важно.

Новорожденная Мошка никак не реагировала.

— У казненного короля был сын, его спасли и спрятали за границей верные подданные. Мальчик много путешествовал и со временем стал настоящим юным принцем. Он беседовал с другими королями, те, бывало, обещали помочь ему вернуть королевство. Он усвоил придворный этикет и узнал, кто из принцесс достоин стать его королевой. Однажды он был в гостях в далеком государстве, в стране горячих песков, и там случилось несчастье: верблюд откусил ему нос. Принц слег с лихорадкой и на другой день внезапно умер. Те, кто по-прежнему хотел видеть на троне короля или хотя бы королеву, стали спорить. Одни считали, что править должна старшая дочь короля, другие поддерживали его сестру, третьи предлагали отдать престол племяннику. Так прошло двадцать лет. Парламент постепенно распался. Парламентарии с головой ушли в свои дразги и проморгали нового, очень умного врага.

Май на секунду умолк. Как любой очевидец этого кошмара, он не мог говорить о нем спокойно. Воспоминания ерошили затылок, как дыхание тигра за спиной.

— Трудные времена настали в королевстве. Десять лет...

Май запнулся и взглянул на свою новорожденную дочь. Ее глаза по-прежнему светились синевой. И вдруг

его охватил страх, что, начни он рассказывать про облавы, пытки, крики из казематов и прочие ужасы, ее глаза тут же нальются чернотой, как у него.

— Знаешь... Подрости-ка сперва, и тогда я расскажу тебе о Годах Птицеловов. Потом Птицеловы были повержены, Трудные времена миновали. Роялисты и парламентарии продолжили борьбу за власть. Сторонники каждого претендента на трон собрали армию, чтобы возложить корону на своего избранника. Парламент испугался и тоже собрал армию. И вот однажды случилось удивительное. На чай к председателям Парламента заглянули серьезные люди в чистых, но поношенных робах. Они озадачили парламентариев заявлением, что не собираются сражаться. Это были старшие мастера ремесленных гильдий — Часовщиков, Ключников, Печатников и прочих.

Сказав о Печатниках, Май ощутил горечь, но продолжил:

«Если вы развяжете войну, — сказали старшие мастера, — сразу окажется, что солдатам не хватает башмаков и курток, кремь кончился, а мушкеты никуда не годятся».

«Не страшно, — ответили парламентарии. — Наши солдаты верят в победу, они будут сражаться в домашней одежде, а если не из чего станет стрелять, возьмут в руки сабли и камни».

«Пусть так, — сказали старшие мастера, — но учтите, у вас на завтрак не будет ни варенья к чаю, ни самого

чаю, и портные исчезнут, и некому будет заштопать вам сюртуки».

Эти слова привели парламентариев в ужас, они сказали, что должны как следует всё обдумать. А тем временем роялисты вовсю предвкушали, как войдут победным маршем в столицу. Но и к ним заглянули серьезные люди в потертых, но опрятных робах. Они говорили, не повышая голос, но каждое слово сочилось уверенностью. Вновь прозвучало, что войны не будет.

«Объявите перемирие с Парламентом, — сказали старшие мастера, — или ваши соратники не получают муки, чтобы испечь хлеб, и шифера, чтобы покрыть крышу».

«Наше дело правое, — ответил предводитель роялистов, — так что учтите, наши люди, коли на то пошло, будут держать оборону голодными и холодными, и в снег и в зной».

«Пусть так, — сказали старшие мастера, — но некому будет уложить прически вашим женам, а ваши лошади будут стоять нечесанные».

И предводители роялистов задрожали от страха и сказали, что им нужно обдумать всё как следует и что ответ они дадут завтра. А на следующий день парламентарии сказали, что монархия — не худшая форма правления, и учредили в столице Комитет влиятельных особ. Предводители роялистов один за другим вступали в Парламент и там уже спорили, кто же достоин надеть корону и вернуть народу былое процветание.

Выдержав паузу, Квиллам Май сказал:

— Так было семь лет назад. И комитет до сих пор заседает, а королевство ждет решения. Рассказать, что произошло за эти годы? Сейчас покажу, на что похожа наша страна. Вот... — Он взял тарелку, на которой лежало большое круглое печенье. — Смотри сюда.

Мошка тут же уставилась на печенье. Наверное, представляла, что земля под ногами хрустит и с кусочками миндаля.

— Вот такое оно, наше королевство, — сказал Май, нажав кулаком на печенье, и оно пошло трещинами. — Видишь? На вид почти целое, но коли растрескалось, то уже не соберешь воедино. Каждая область подчиняется местным правителям и правительницам. Скажем, здесь. — С этими словами он ткнул в подрумяненный кусочек. — Это столица всего королевства. А это, — палец указал на кусочек с большим орехом, — Галдспар. Вот Манделион, а тут у нас графство Амблвеч. Вроде всё на месте, но прежнего печенья больше нет.

В голове проснулась знакомая боль, и Май подождал, пока она утихнет. Перед глазами плясали белые точки, будто гигантская невидимая кошка пронзала когтями ткань мироздания. Май вздохнул, смахнул со стола крошки и вернулся к работе. Обмакнул перо в чернила, потом поднял взгляд на дочь, словно та задала вопрос.

— Знаешь, — сказал он, — если собираешься помогать мне, привыкай к незаконченным историям. Настоящая жизнь не знает, что такое финал.

Квиллам Май так и не закончил свой великий труд за те восемь лет, что были отпущены ему судьбой. А когда он умер, его книги отправились в костер. С той ночи, когда он дал дочке имя, прошло двенадцать лет. Сейчас та пряталась в голубятне, держа под мышкой гуся.

«А» ЗНАЧИТ «АВАНТЮРА»

В народе говорили, что запалить дрова в Чоге способен разве что небесный огонь. Проезжие шутили, что местные жители, отчаявшись растопить очаг, готовят обед на болотных гнилушках.

Самый верный способ попасть в Чог — двигаться, ориентируясь на запах сырости, прочь от всякого маломальски пригодного для жизни обиталища. Все дома в Чоге, от подвала до крыши, покрывала плесень. Деревья гнили изнутри. Овощи гнили снаружи.

Вода сочилась отовсюду. Она потоками текла с крутого холма, торчащего над городком. Журчащие ручьи бежали по склонам, заросшим соснами, по дороге размывали меловые залежи, и вода белела, как молоко. Улицы Чога переплетались хитрей, чем норы в муравейнике. Дома были разбросаны самым причудливым образом.

Днем жители Чога вели безнадежную борьбу с сыростью. А по ночам им снились влажные, удушливые сны. Но однажды их мирный сон был нарушен, хотя

природная, впитанная с дождем привычка к покою быстро стерла яркие впечатления, как гусь поправляет выбившееся перо.

Той ночью в Чоге нашлась душа, что пылала черным пламенем протеста. В полночь, когда жители мирно спали, обладательница пылающей души пряталась в голубятне магистрата.

Высокая, просторная голубятня из-за конической крыши напоминала башню замка. Сейчас она пустовала — вернее, там не было голубей, зато были двенадцатилетняя девочка и громадный гусь по кличке Сарацин.

Мошка, распахнув глаза, пристально всматривалась в темноту и ловила каждый шорох. До ушей долетали приближающиеся голоса, а глаза упорно цеплялись за грушевидный силуэт единственного голубя, сидевшего наверху в арке. Мошка балансировала на шатких жердях, прижимая к боку беспокойного гуся, и выбранное укрытие уже не казалось ей удачным.

Всякий раз, когда голубь перелетал от окна к окну, Сарацин шипел. Стоит людям снаружи услышать этот звук, и Мошку тут же найдут. У девочки были веские причины не возвращаться домой, к дяде Западу и тете Брионии. Если ее поймают в эту мрачную ночь, то выпят так, что мало не покажется.

— Премного благодарны, сэр. Не извести вы нас, этот плут уже с месяц наживался бы на наших доверчивых кумушках, — произнес судья.

